

Депортированные и военнопленные японцы в Сибири в 1904–1905 гг.

В. Г. Дацышен

Русско-японская война 1904–1905 гг., явившаяся заметным событием мировой истории XX в., во многом определила не только дальнейшее развитие России и Японии, но и основные черты русско-японских отношений. За прошедшее столетие было опубликовано множество исторических работ по этой теме, исследователи подняли и проанализировали самые разные проблемы и аспекты этой войны. Однако некоторые вопросы истории русско-японской войны до сих пор не только не изучены, но и не привлекают достаточного внимания ученых и общественности.

Одним из таких вопросов является история пребывания в Сибири японцев, депортированных с Дальнего Востока или попавших в плен в ходе войны 1904–1905 гг. Например, Накамура Синтаро в своей работе «Японцы и русские» написал о русских военнопленных, но не упомянул о японских пленниках в России. В работах российских авторов, как правило, просто отмечается, что японцев в плен попало гораздо меньше, чем русских. Кроме того, без ссылок на источники указывается, что «русскими войсками было взято в плен 1700 японских военнослужащих»¹. По официальным японским данным, во время войны численность японских военнопленных составила 2104 человека. Очевидно, первым исследователем, поднявшим проблемы пребывания японских военнопленных в Российской империи, был известный исследователь Сакана Такэси. Он отмечал, что в декабре 1905 г. 1776 японских военнопленных и одна женщина находились в селе Медведь под Новгородом и еще 197 японцев – под Харбином. На этом основании он делал вывод, что «общая численность военнопленных – 1973 человек»². Недостаточно изученным остается и история депортации японцев из Приамурья во время русско-японской войны.

К началу XX в. в пределах России официально проживало 3953 японца. Число японцев, которые ежегодно посещали страну было больше.

¹ Марино В. А. Россия и Япония перед 1-й мировой войной. М., 1974, с.27.

² Сакана Такэси. Военнопленные в период русско-японской войны 1904–1905 гг. – Япония сегодня. 2002, №4.

Например, в 1900 г. в Россию въехало 5819 японских подданных³. Основная часть японцев проживала на российском Дальнем Востоке, в Сибири они встречались очень редко, за исключением Забайкалья. Большинство японских подданных, посещавших Сибирь, было связано с японской разведкой. Собственно японцы встречались в разных сферах. В 1903 г. закончил в Троицкосавске реальное училище японец Ямагучи, затем продолживший свое обучение в Петербургском университете. В Иркутском юнкерском училище он преподавал японский язык. В 1903 г. владелец лесопильного завода в Чите Д. Ф. Игнатьев пригласил из Японии четырех мастеров «лакировочного дела». Как сообщали газеты, сделанные японскими мастерами вещи сразу же начали пользоваться спросом у местного общества⁴. О том, насколько часто приезжали японские артисты в сибирские города, свидетельствует заметка, появившаяся в 1902 г. в «Енисейских губернских ведомостях»: «Представление японской труппы, состоявшееся 24 сентября в циркетеатре Черных... привлекло на этот раз не особенно многочисленную публику... труппа уже “пригляделась”. Артисты, по обыкновению, исполнили все свои номера вполне добросовестно»⁵.

Перед самым началом войны японцы стали покидать российские города. Редактор газеты «Восточное обозрение» Иван Иванович Попов писал в своих мемуарах: «Из писем тещи, сына и В. С. Ефремова я узнал, что все японцы – папиросники, прачки и прочие – уже поспешили уехать из Иркутска... Из других мест Сибири также писали, что японцы отовсюду скрылись»⁶. Но до самого начала войны сибирская общественность сохраняла крайнюю благожелательность по отношению ко всем японцам, посещавшим регион. В томской газете «Сибирский вестник» под рубрикой «Местная хроника» 22 января 1904 г.⁷ была опубликована заметка «Японец Такэси Инакова», в которой говорилось: «В настоящее время в нашем городе находится один молодой интеллигентный японец Такеси Инакова, житель г. Хакодате в Японии. Остановился он у нас на самое короткое время, проездом в Европейскую Россию»⁸. Газета сообщала, что 27-летний японец едет в Санкт-Петербург, а затем в Астрахань изучать рыбную промышленность.

С началом войны японцы, как представители напавшего на Россию государства, были лишены свободы проживания и передвижения по стране. Более того, они опасались мести со стороны русского населения,

³ Штейнгау А. И. Японская эмиграция в конце XIX века. – Россия и Восток: взгляд из Сибири. Т.1. Иркутск, 1998, с.253.

⁴ Восточное обозрение. 02.09.1903.

⁵ Енисейские губернские ведомости. 26.09.1902.

⁶ Попов И. И. Забытые иркутские страницы: записки редактора. Иркутск, 1989, с. 193–194.

⁷ Все даты даются по принятому в то время в России Юлианскому календарю.

⁸ Сибирский вестник. 02.01.1904.

чего, однако, не произошло. Опасения были вполне обоснованными, если учесть антикитайские настроения во время Боксерского восстания в 1900 г., жертвами которых были даже японцы. Например, в г. Бийске толпа убила японского циркового артиста, ошибочно приняв его за китайца. Возможно, при сходных обстоятельствах в Иркутске неизвестными был зарезан на улице японец⁹. В 1904 г. власти в интересах сохранения порядка и недопущения насилий стали проводить более грамотную политику, население же Сибири не проявляло ненависти и даже явно выраженной неприязни по отношению к представителям вражеской страны. Россия безукоризненно соблюдала все международные обязательства воюющей державы. Важным фактором было и подчеркнуто гуманное отношение японцев к русским военнопленным. Все это обеспечило относительно спокойную и безопасную жизнь японцам в России на весь период войны в 1904–1905 гг.

28 января 1904 г. «Иркутские губернские ведомости» сообщили: «Немногочисленная местная колония японцев обратилась к губернской администрации с просьбой оказать ей покровительство и защиту»¹⁰. На следующий день, почти через трое суток после внезапного нападения японской армии на Порт-Артур, «Иркутские губернские ведомости» сообщили, что все японцы покинули Иркутск. Сначала японцев, живших в Сибири, отправили на восток для возвращения домой, но потом, по приказу наместника Евгения Ивановича Алексеева, наоборот, с Дальнего Востока их направили в глубь Сибири. Следует отметить, что местные власти приняли решение о выселении японцев с подведомственной им территории, объявленной на военном положении, еще до принятия решения на высшем уровне, которое последовало лишь в середине февраля. Согласно предписанию Иркутского губернатора от 30 января 1904 г. проживавших в Иркутске японцев (21 человек) отправили 2 февраля в Читу в сопровождении двух жандармов. Однако по приказу Алексеева всех японцев с мест, объявленных на военном положении, направили вглубь Сибири¹¹.

С началом войны в Читу стали привозить проживавших на Дальнем Востоке японских подданных, которых размещали либо в квартирах их соотечественников, либо в тюрьме. Затем этих японцев направляли в Иркутск и далее, возвращали их в Японию морем через порты Европы. В начале июня 1904 г. из Департамента полиции сообщали: «По соглашению с Иркутским Военным Генерал-Губернатором было признано необходимым высылаемых из района военных действий японцев (не военнопленных) распределять в пределах Иркутской и Енисейской губерний, а по открытии навигации по Байкалу направлять в Европейскую Россию.

Принимая во внимание, что навигация ныне уже открыта и что высылаемые японцы вскоре начнут прибывать в Европейскую Россию, г. Министр Внутренних Дел признал необходимым расселять их в Пермской, Вологодской и южных уездах Архангельской губерний»¹².

Обязанность обеспечить довольствием депортируемых мирных японцев первоначально возложили на начальника жандармского полицейского управления Забайкальской железной дороги полковника Бардина¹³. Сначала гражданских лиц перевозили по Сибири в обычных пассажирских вагонах под надзором чинов Охранного отделения за счет государства, но с мая 1904 г. японцев стали перевозить в этапных вагонах, цепляемых к пассажирским поездам. Первая партия депортированных японцев в 140 человек с востока прибыла в Иркутск 6 марта 1904 г. Начальник военной охраны Сибирской железной дороги полковник Сыропятов в 1904 г. сообщал, что согласно данным «О проследовании через станцию Красноярск» (очевидно, с остановкой в Красноярске), первые депортируемые японцы (13 мужчин) проехали в Европейскую Россию через Красноярск еще 23 февраля 1904 г. Первая крупная партия депортируемых (258 японцев), прибыла в Томск 30 марта, 1 апреля через Красноярск проехали 240 японцев. В мае 1904 г. через Красноярск в г. Томск проследовали 57 мужчин и 80 женщин¹⁴.

Выселение японцев с разной интенсивностью продолжалось почти до конца войны. Например, 15 мая 1904 г. пароходом по Амуру из Хабаровска на запад были отправлены 280 японцев, выселенных из Николаевска¹⁵. Согласно донесениям Жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги в январе 1905 г. в Европейскую Россию проследовали депортируемые японцы – шесть мужчин и две женщины, в феврале – восемь мужчин и одна женщина. В апреле 1905 г. последними через Енисейскую губернию на запад были депортированы три японки¹⁶.

Несмотря на то, что было принято решение направлять всех японцев в Европейскую Россию, значительная их часть на долгое время, а некоторое число – до конца войны, остались в Западной Сибири. Одной из основных «перевалочных баз» для них стала Томская губерния. Уже в марте 1904 г. из министерства внутренних дел пришло распоряжение о переводе 500 рублей томскому губернатору «на содержание высылаемых с театра военных действий японцев и китайцев»¹⁷. 31 марта 1904 г. в Томск прибыли 152 человека «желтолицых» (так в до-

⁹ Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1993, с.433.

¹⁰ Иркутские губернские новости. 28.01.1904.

¹¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.32, оп.34, д. 58.

¹² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3, оп.5, д. 76, л. 69.

¹³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф.32, оп.34, д.58.

¹⁴ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.832, оп.1, д.31, л.132.

¹⁵ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.3, оп.5, д.76, л.30.

¹⁶ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.595, оп.3, л.216.

¹⁷ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.3, оп.18, д.1135, л.1.

кументе. – В. Д.). В подавляющем большинстве это были японцы. Вскоре они были направлены вниз по Оби, в село Колпашево Нарымского края. 4 апреля была принята партия депортируемых – 251 человек (японцев и китайцев), которых разместили на дачах Томского женского монастыря (в Спасской волости) и в селе Тогурском. На содержание депортированных (381 взрослый и 22 ребенка) властям потребовалось 2234 руб. 40 коп. в месяц¹⁸. В мае число поселенных в Томской губернии японцев и китайцев достигло 442, ожидалось прибытие еще 280 человек. С 29 мая 1904 г. началась отправка депортированных на пароходах из Томска в Тюмень, для дальнейшего следования в Европейскую Россию.

К началу лета в Томской губернии, на дачах и в Томской городской больнице, оставалось 142 человека, депортируемых из Приамурья. В последующем численность японцев, высланных с Дальнего Востока, проживавших в Томской губернии постоянно менялась. Кроме миграции, фиксировалась естественная убыль и прирост депортируемых японцев. Показательно, что к июню 1904 г. в Томске было зафиксировано на два случая смерти три родившихся ребенка. К середине июня 1904 г., согласно документам, в Томской губернии было принято и временно размещено 527 человек «административно арестованных», в подавляющем большинстве это были японцы.

Большинство депортируемых из Сибири японцев были вывезены в Европейскую Россию, но далеко не все. Например, часть депортируемых «желтолицых» до конца войны оставалась жить на заимке Томского женского монастыря. 30 сентября 1905 г. томский уездный исправник докладывал губернатору: «Имею честь донести Вашему Превосходительству, что из числа желтолицых, находящихся на заимке Томского женского монастыря, по распоряжению Вашего Превосходительства, в разные пункты Восточной Сибири в течение Сентября месяца выбыли 7 японцев и 1 китаец. В настоящее время состоит на лицо: 10 японцев, 10 корейцев и 1 китаец, всего 21 человек»¹⁹.

С начала военных действий на Дальнем Востоке в Сибири появились и взятые в плен японцы. Они двигались через восточную Сибирь с марта 1904 по сентябрь 1905 г. по Сибирской железной дороге в западном направлении. Военнопленные японцы направлялись до станции Байкал, где передавались в распоряжение начальства Сибирского военного округа. Пленных японцев военное ведомство перевозило своими эшелонами. Современники отметили, что уже в конце марта 1904 г. «проследовала по железной дороге партия военнопленных японцев с японским офицером»²⁰. 31 марта в Иркутск привезли 280 военнопленных. В первые дни войны

конечной точкой отправки пленных назначались сибирские города, например, 15 апреля из Владивостока в Томск были направлены 25 офицеров и 183 матроса²¹. Вскоре в самой Сибири пленных японцев решили не размещать, «специальный пункт» для них был устроен в Пензе.

Первые военнопленные, согласно донесению начальника военной охраны Сибирской железной дороги полковника Сыропятова, проехали через Красноярск в Томск двумя партиями в июне 1904 г. – 42 офицера и 259 солдат. Часто военнопленные двигались маленькими группами, останавливаясь на время в разных сибирских городах. В августе 1904 г. было зафиксировано присутствие в Красноярске пяти японских военнопленных. В октябре 1904 г. через Красноярск проехали сначала пять военнопленных японцев, затем еще один офицер и шесть матросов, потом еще 15 военнопленных. Если первоначально их везли в Томск, то с лета 1904 г. пленные японцы вывозились в Европейскую Россию, минуя Томск. Они направлялись из Красноярска прямо на Омск²².

О числе военнопленных, двигавшихся по Сибирской железной дороге на заключительном этапе войны, можно судить по донесениям начальника Красноярского отделения жандармского полицейского управления Сибирской дороги. С 29 декабря 1904 г. по 29 января 1905 г. через Енисейскую губернию на запад проследовал 51 военнопленный; с 29 января по 28 февраля – 214 японцев, в том числе четыре офицера; с 28 февраля по 29 марта – 276 военнопленных, в том числе семь офицеров; с 29 марта по 28 апреля – 219 человек, в том числе четыре офицера; с 28 апреля по 28 мая – 211 военнопленных японцев и один военнопленный кореец; с 28 мая по 28 июня – 243 японца, в том числе 10 офицеров; с 28 июня по 28 июля – 104 японца, в том числе один офицер; с 29 июля по 30 августа – 13 японцев, в том числе один офицер и один доктор. Последняя партия военнопленных японцев проследовала через Красноярск на запад уже после окончания войны, 1 сентября, в ее составе было 22 нижних чина и один офицер²³. Статистика движения военнопленных по Сибирской дороге через Красноярск подтверждается данными по станции Иркутск²⁴ и по Томской губернии²⁵. Таким образом, принятая в российской историографии общая численность отправленных в Россию японских военнопленных (1700 человек) является заниженной. Например, только в 1905 г. через Красноярск на запад проследовало более 1300 пленных японцев. Можно с большой долей уверенности говорить, что численность отправленных в Европейскую Россию военнопленных значительно меньше их общей числен-

¹⁸ Там же, л.12.

¹⁹ Там же, оп.5, д.76, л.286.

²⁰ Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1994. с.34.

²¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.3, оп.5, д. 76, л.1.

²² Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.832, оп.1, д.31, л.252.

²³ Там же, ф.595, оп.3, д.216.

²⁴ Государственный архив Иркутской области. Ф.602, оп.1, д.9.

²⁵ Государственный архив Томской области. Ф.3, оп.5, д.76, л.196.

ности. Согласно донесениям полиции за весь 1905 г. на запад проследовал лишь один тяжелораненый японец и один японский военный врач. Несомненно, значительная часть солдат с обеих сторон попадала в плен, получив ранения. Таким образом, раненые японцы, очевидно, оставались в госпиталях на востоке России и в Маньчжурии. Необходимо иметь в виду, что некоторые пленные, например диверсанты, были казнены в Маньчжурии по приказу военно-полевого суда. Есть примеры, когда пленные японцы содержались в различных пунктах на востоке России, в июле 1904 г. отряд М. Сотникова захватил в плен на Камчатке командира японского отряда Гундзи и врача этого отряда, которые до конца войны там и оставались.

Далеко не все военнопленные японцы сразу же отправлялись в Европейскую Россию. В качестве места их размещения на длительное время была выбрана Томская губерния. Например, на квартирном довольствии Томского городского общественного управления с 4 мая по 29 июня находилось 26 офицеров и 182 нижних чина, с 29 июня по 4 июля – 68 офицеров и 237 нижних чинов, с 4 июля по 8 августа – 68 офицеров и 251 нижний чин, с 8 по 14 августа – 38 офицеров и 256 нижних чинов²⁶. Материалы и документы говорят о достойном обеспечении японцев всем необходимым, о хорошем к ним отношении со стороны властей и общества. Несмотря на отсутствие достаточной правовой базы, пленные сразу же получили содержание, не уступающее содержанию русских солдат. «На основании приказа по военному ведомству 1877 г. № 275 наем помещений для военнопленных производится на основании Положения о воинской квартирной повинности 8 июня 1874 г.»²⁷. Казна средств для этого выделить не успела, но уже 12 мая 1904 г. заведующий военнопленными японцами в Томске ротмистр отдельного корпуса жандармов потребовал от Томской Городской управы различный инвентарь. Позднее из Томской городской управы писали начальнику охраны пути Сибирской железной дороги полковнику Сыропятову: «Как только прибыла в Томск первая партия военнопленных японцев, заведывающий этой партией Ротмистр Лемени-Македон обратился в Городскую Управу с просьбой доставить возможные удобства при размещении военнопленных, причем обещал все доставленное возратить городу в целостности. Городская Управа, несмотря на то, что Временного Положения о военнопленных Русско-Японской войны еще не было обнародовано, употребила возможные средства для лучшей обстановки помещения для пленных, причем все доставляемые вещи сдавались под расписки служащим конвоя, Городская Управа не только доставила для пленных кровати, но и снабдила их наволочками для тюфяков, подушками и одеялами, хотя доставление

последних предметов и не было обязательно для города...»²⁸. Согласно «Списку вещей, утраченных и поломанных японцами», представленного Городской управой, военнопленные получали постельное белье, а из столовой посуду – даже столовые ножи, чайные ложки и блюда. В числе утраченных японцами летом 1904 г. вещей значилось в том числе 42 одеяла по 3 руб. 60 коп. каждое²⁹.

«Временное положение о военнопленных русско-японской войны» было утверждено 13 мая 1904 г. Этим документом закреплялись следующие нормы и принципы: «С военнопленными, как законными защитниками своего отечества, надлежит обращаться человеколюбиво»; «военнопленные ни под каким видом не должны быть стесняемы в исполнении обрядов богослужения...»; «собственность военнопленных, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, остается неприкосновенной...»; «военнопленные могут быть подвергнуты водворению в городе... с обязательством не удаляться за известные определенные границы; но собственно заключению под стражу они могут быть подвергаемы лишь при наличности особой к тому необходимости»; «бежавшие военнопленные в случае поимки не подлежат за побег взысканию по суду...»; «военнопленные могут быть освобождаемы под честное слово, но не могут быть принуждаемы к даче честного слова...»; «военнопленные могут быть привлекаемы к разным работам сообразно с их чинами и способностями. Эти работы не должны быть изнурительными и не должны иметь никакого отношения к военным действиям» и пр.³⁰ На стороне военнопленных японцев были международные обязательства России, 28 мая 1904 г. при Обществе Красного Креста в Москве было учреждено Центральное справочное бюро, в котором безвозмездно работали около 10 человек, все представители высшего общества. Военные и гражданские власти в Сибири, судя по документам, не только неукоснительно соблюдали эти правила, но создавали условия для «комфортного» пребывания японцев. За соблюдением санитарно-гигиенических норм содержания пленных следили специально создаваемые комиссии³¹. При этом охранявшие пленных русские солдаты зачастую находились в худших бытовых условиях, что властями не воспринималось как ненормальное явление.

После окончания русско-японской войны военнопленные японцы были отправлены в Японию. Некоторые японцы возвращались через Сибирь. Процесс этот затянулся на многие месяцы, так как еще в начале 1906 г. российские власти собирали справки о наличии пленных японцев в России. Однако никаких документальных данных, говорящих о том,

²⁶ Там же, ф. 233, оп. 1, д. 1037, л. 36–37.

²⁷ Там же, л. 5.

²⁸ Там же, л. 24.

²⁹ Там же, л. 20.

³⁰ Там же, ф. 3, оп. 5, д. 76, л. 63.

³¹ Там же, ф. 233, оп. 1, д. 1037, л. 13.

что военнопленные японцы оставались в Сибири больше установленных двусторонними соглашениями сроков, нет. Но уже через год после эвакуации на родину японцы стали активно возвращаться в Сибирь. Летом 1907 г. был подписан «Договор о торговле и мореплавании между Россией и Японией», возобновивший действие договора 1895 г. Японцам в России были предоставлены права подданных «наиболее благоприятствуемой нации». Но осенью 1907 г. военный губернатор Забайкальской области докладывал Иркутскому генерал-губернатору: «В течение этого лета в разное время группы китайцев и японцев производили разведку и съемку местности...»³². И уже в 1908 г. в сибирских газетах обычными стали объявления об услугах японских прачечных³³. Японская миграция вернулась в Сибирь и вступила в новый этап развития.

История пребывания в Сибири в 1904–1905 гг. депортированных и военнопленных японцев не оставила заметного следа в российско-японских отношениях потому, что не имела трагических последствий и не использовалась в политических спекуляциях. В документах не зафиксировано ни одного случая насилия и даже неприязненных отношений к японцам в Сибири как со стороны государственных служащих, так и местного населения. Это является лишним подтверждением того, что русско-японская война не была столкновением двух наций или культур, а явилась порождением глобализации международных отношений и безответственностью политических элит. Исторический опыт пребывания японцев в сибирском плену и ссылке в начале XX в., как пример русско-японского взаимодействия в сложных условиях, не потерял своей актуальности и ценности и в начале XXI в.

Роль князя Ямагата в подготовке русско-японского союза 1916 г.: за кулисами визита великого князя Георгия Михайловича в Японию

Э. А. Барышев

Русско-японские отношения в период первой мировой войны – одна из интереснейших тем в истории двусторонних связей, таящая немало невыясненных до сих пор вопросов. Они касаются прежде всего определения движущих сил сближения стран и конкретных факторов, способствовавших заключению 3 июля 1916 г. русско-японского секретного военно-политического союза. С российской стороны это сближение можно назвать «вынужденным», поскольку в условиях первой мировой войны Россия, отрезанная от Европы, не только задумывалась о том, как обеспечить безопасность своих дальневосточных владений, но оказалась зависимой от японских поставок оружия. В связи с этим Россия в процессе двустороннего сближения сыграла роль лишь пассивного участника, а инициатива в деле укрепления русско-японских отношений исходила от Японии. В прошлом отечественные исследователи, в первую очередь из-за недоступности японских источников, обращали внимание, главным образом, на позицию российской стороны. Роль главного участника этого процесса – Японии – оставалась неясной, что не позволяло выявить главные особенности русско-японского сближения в период первой мировой войны.

В связи с этим представляется чрезвычайно важным детально изложить позицию японской стороны, что позволит выявить скрытые пружины русско-японского сближения и лучше разобраться в самом механизме внутренней политики Японии. Автор постарается взглянуть на проблему русско-японского сближения через призму деятельности генерала-фельдмаршала Ямагата Аритомо (1838–1922), на протяжении нескольких десятилетий оказывавшего значительное, а в 1910-е годы даже определяющее, влияние на состояние японской внутренней и внешней политики¹.

¹ В своей статье «Русско-японская конвенция 1916 г. и ее международно-политический смысл» (Япония 2006. Ежегодник. М., 2006, с. 243–256) автор бегло коснулся взглядов князя Ямагата на проблему русско-японских отношений, однако его деятельность, направленная на реализацию русско-японского союза осталась вне рамок исследования. В японской историографии тема Ямагата Аритомо и русско-японский союз 1916 г. наиболее серьезно рассматривается в следующей работе: Мацумото Тадао. Кинсэй нихон гайко-си кэнкю (Исследования по истории японской дипломатии нового времени). Токио, 1942, с. 169–186. В англоязычной историографии эта проблема затрагивается в следующих исследованиях: Berton Peter A. The

³² Государственный архив Красноярского края. Ф.595, оп.3, д.1063, л.1.

³³ Красноярск. 01.07.1908.